

9. UN DESA Standard country or area codes for statistical use (M49) [Electronic resource]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (accessed: 15.05.2017).

10. 王启文(Ван Цивен) 东非诸国 (Страны Восточной Африки), 军事谊文出版社, 1997.

Рукопись поступила в редакцию 27 октября 2017 г.

УДК 327.2(450) + 327.37 + 328 + 342.53 + 355.01

А. А. Первалова

ИТАЛЬЯНСКАЯ РЕСПУБЛИКА В АСИММЕТРИЧНЫХ КОНФЛИКТАХ XXI в.: ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ, ИРАКЕ И ЛИВАНЕ

В XXI в. подавляющее число войн имеет асимметричный характер, то есть происходит между противниками, имеющими неравный финансовый и военный потенциал и преследующими неодинаковые цели. В разрешении современных «асимметричных конфликтов» ключевым инструментом становятся военные и миротворческие операции. В статье анализируется дипломатическая, стратегическая и политическая роль Италии в операциях в Афганистане, Ираке и Ливане. Показаны особенности развертывания итальянского контингента на территориях операций, сложности в определении характера мандатов миссий. Исследуются дебаты в парламенте и правительстве Италии, подчеркивается значимость корректной трактовки операций на политическом уровне.

Ключевые слова: Италия, коллективная безопасность, асимметричная война, военные операции, парламент.

В начале XXI в. ситуация на геополитической арене претерпевает значительные изменения. Атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. полностью переворачивают понимание и восприятие внешнеполитических угроз. В европейской и американской литературе появляется понятие «мир после 9/11», когда США, а вместе с ними и весь Запад, официально объявляют войну терроризму.

Оба берега Атлантики быстро осознают, что современные войны ведутся по новым правилам. В этих войнах, названных асимметричными, сталкиваются разнородные силы, обладающие неравным военным и финансовым потенциалом и преследующие неодинаковые цели. Традиционные войны предусматривают, что действующими лицами конфликта являются государства, а основным инструментом борьбы — использование вооруженных сил. В современных конфликтах кроме собственно стран-участниц появились иные акторы, способные влиять на современные политические процессы, — это международные организации (ЕС, НАТО, ООН), неправительственные организации, террористические группировки, религиозные движения, отдельные кланы и организованная преступность. Вместо прямых вооруженных действий осуществляется комбинированное использование военных, политических, технологических, торговых и информационных инструментов ведения войны [3].

Различие в потенциале сторон — участниц конфликта приводит к тому, что они преследуют разновеликие цели: одна сторона готова платить высокую цену за победу, так как чаще всего борется за собственное существование или независимость, тогда как другая имеет ограниченные интересы и не готова жертвовать всеми доступными ресурсами. Аристотель утверждал, что целью войны является мир, однако в случае асимметричных войн целью часто становятся отдельные политические победы или информационная власть. Особую ценность приобретает возможность повлиять на формирование общественного мнения с помощью манипуляций информацией, пропаганды, дезинформации. В этом случае гражданское население больше не выступает в роли случайной жертвы, а становится эпицентром действий. Население зон конфликтов само по себе оказывается оружием, которое можно использовать в различных целях, например, логистических (создавая миграционные потоки) или медиатических (используя страдания людей как инструмент психологической войны). В то же время влиятельным акторам, таким как государства и их институты, приходится принимать во внимание общественное мнение в собственных странах, далеких территориально от конфликтов и не вовлеченных в них напрямую, поскольку общество, как правило, активно выражает несогласие с военными действиями, не приносящими видимых результатов и ведущими к человеческим жертвам [2].

Асимметричные войны стирают различия между привычными для военного дела понятиями, такими как фронт и тыл, военные и гражданские лица или объекты, соотношение сил сторон, победа или проигрыш. Каноном асимметричной войны были вышеупомянутые атаки 11 сентября 2001 г.: кроме явной разнородности участвующих в конфликте акторов асимметричными можно назвать мишени для атаки (Всемирный торговый центр — гражданский объект, Пентагон — штаб-квартира Министерства обороны США), метод нападения (использование пассажирского самолета вместо взрывных устройств), а также экономические последствия (атака, стоившая террористам пару тысяч долларов, нанесла стране ущерб в 32,5 млрд долл.) [3]. Количественно и технологически более слабый противник, как оказалось, может нанести значительный материальный ущерб и стать угрозой для безопасности целых стран и регионов.

Появление новой угрозы заставило США и их союзников по НАТО пересмотреть традиционное понимание обеспечения государственной безопасности. Развитие технологий, глобализация, неконтролируемые миграционные потоки приблизили угрозы и создали необходимость защиты национальных интересов не только в рамках, но и вне государственных границ. Обеспечить порядок на «конфликтных» территориях и не дать проблемам отдельных регионов выйти за их пределы и затронуть другие страны — одна из главных целей для крупнейших мировых акторов. Ключевым инструментом для реализации этой цели становятся операции за рубежом. Такие операции в европейской литературе и СМИ часто называют «гуманитарными», «миротворческими», «сооперациями» (даже во время кризиса в Косово бомбардировки со стороны НАТО назывались «гуманитарными» миссиями) [21].

Для европейских стран проведение операций за рубежом мотивируется как действие на благо мирового сообщества в целях обеспечения международной безопасности. Участие в таких операциях, как с помощью инструментов «мягкой», так и с помощью инструментов «жесткой» силы, становится показателем веса, значимости и престижа отдельного государства на международной арене [21]. Эффективность проведения операций зависит от подготовленности вооруженных сил к действию на отдаленных территориях, гибкости и слаженности в работе институтов безопасности на местах. Вследствие этого европейские страны в XXI в. начинают реформировать вооруженные силы и приспосабливать военные доктрины к новым вызовам для международной безопасности.

Итальянская Республика представляет собой интересный пример адаптации западных вооруженных сил к современным политическим реалиям и методам ведения войны. До середины 1980-х гг. Италия не стремилась, а скорее избегала, задействовать собственные вооруженные силы в военных операциях. Перелом происходит в 1982 г., когда страна принимает участие в международной миссии в Ливане. И благодаря успешному опыту устремляет свое внимание на Средиземноморский регион и Средний Восток. Рим осознает, что участие в международных миссиях позволяет укрепить свои позиции на европейском и мировом уровне. В результате в последние двадцать лет Италия становится одним из самых активных участников в проведении военных и миротворческих операций за рубежом. Итальянские политические аналитики серьезно критикуют своих европейских союзников (британцев, немцев и французов). Так, Ф. Котикья, например, оценивает военное участие Германии в миссиях как ограниченное, а также отмечает, что Франция не присутствовала в Ираке, а Великобритания не предоставила собственные силы для проведения операции в Ливане [4]. Таковую трансформацию роли Италии можно назвать «революционной», учитывая, что на протяжении нескольких десятилетий страна практически не проводила собственной военной политики вне НАТО.

После окончания холодной войны Итальянская Республика приняла участие в более ста миссиях за рубежом, среди которых особое значение имеют операция «Буря в пустыне» (Desert Storm, Ирак, 1991), «Ибис» (Ibis, Сомали, 1992–1994), «Альба» (Alba, Албания, 1997), операции «Союзная сила», «Союзная гавань» и «Силы для Косово» (Allied Force, Allied Harbour и KFOR, Косово, начиная с 1999), «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom, Афганистан, 2001–2006), «Международная сила содействия безопасности» (ISAF, Афганистан, 2001 — до настоящего времени), «Древний Вавилон» (Antica Babilonia, Ирак, 2003–2006), «ВСНООЛ» (UNIFIL, Ливан, 2006 — до настоящего времени). На ноябрь 2016 г. Италия была одновременно вовлечена в 28 международных миссий в 19 странах [23]. В операциях за рубежом на 2016 г. Рим задействовал 6092 человека: 2836 человек в Средиземноморье и на Среднем Востоке, 1052 — в Афганистане, 1140 — в Ливане, 619 — на Балканах, 412 — в Индийском океане и в регионе Африканского Рога, 32 — на других территориях (Уганда, Нигер, Мали и Сахель) [25].

Ключевыми операциями XXI в. для Италии стали миссии в Афганистане, Ираке и Ливане. Несмотря на то что эти три операции имеют исключительную

релевантность для международных отношений, в российской историографии не существует специальных исследований, освещающих вклад отдельных акторов средней величины, таких как Итальянская Республика, в проведение миссий. В статье исследуется участие итальянских миротворческих и вооруженных сил в названных выше асимметричных конфликтах, анализируются противоречия в восприятии военных действий парламентом, правящими кругами и общественностью Италии.

Операции «Несокрушимая свобода» (Афганистан, 2001–2006) и «Международная сила содействия безопасности» (Афганистан, 2001–2015)

После атак на Всемирный торговый центр 9/11 администрация Буша заявила, что талибан и Аль-Каида несут ответственность за теракт. Миссия «Несокрушимая свобода» началась 7 октября 2001 г. с воздушных ударов и наземных операций в поддержку антиталибского альянса. В тот же день парламент Италии принял решение участвовать в операции в Афганистане [4].

Министр обороны Италии Антонио Мартино называл «Несокрушимую свободу» «миротворческой миссией», а то время как Роджер Кинг, пресс-секретарь операции из США, именовал ее «военная миссия» [7]. Определение характера миссии является чрезвычайно важным, так как от его интерпретации на национальном уровне зависит размер предоставляемого контингента и вооружения. Рим практически не задействовал в операции сухопутные и военно-воздушные силы, ограничившись участием военно-морского флота в патрулировании Персидского залива и Индийского океана. Национальный контингент состоял из 1400 солдат, в распоряжении которых были авианосец «Гарибальди», вертолеты AV8B, SH3D, AV-212 и фрегаты. Поскольку Италия была готова задействовать минимум средств и ресурсов для осуществления операции «Несокрушимая свобода», все крупнейшие боевые действия союзников на территории интервенции прошли без участия итальянских военных сил [9].

Вместе с тем в рамках операции «Несокрушимая свобода» Италией были осуществлены ряд заметных операций. Так, в Средиземноморье была организована контртеррористическая операция «Активные усилия». Итальянские корабли и субмарины с октября 2001 г. патрулировали Средиземное море с целью обнаружения и сдерживания террористической активности. Самой значительной стала операция «Ниббио» в граничащей с Пакистаном провинции Пактия. В операции, начавшейся в марте 2003 г., участвовали итальянский парашютно-десантный полк «Фолгоре», альпийская бригада «Тауриненсе», карабинеры, а также ядерные, биологические и химические подразделения [Там же]. Помимо патрулирования территории в задачи контингента входило обеспечение устойчивых коммуникаций между Хостом и Гардезом и установление диалога с талибаном и Аль-Каидой.

Однако, несмотря на высокие риски операции «Ниббио», вооружение не соответствовало характеру операции: не хватало вертолетов, бронетранспортеров и минометов со значительной огневой мощностью; спецназ был задействован практически

только для патрулирования [7]. Вместе с тем в ходе операции итальянские солдаты осуществили патрулирование более 450 раз, предприняли 40 военных вылазок и ответили на 20 атак противника [9].

Другой ключевой операцией в Афганистане стала «Международная сила содействия безопасности» (далее — МССБ). Ее главной целью было обеспечение безопасности и поддержка правительства Афганистана. Военная операция началась после принятия Резолюции 1386 Совета Безопасности ООН [26]. С 2003 г. МССБ проводилась под руководством НАТО. Операция стала первой в истории Атлантического альянса, разыгранной вне его традиционной зоны действия. А значит, интервенцию можно понимать как расширение военной стратегии НАТО за пределы «защиты» Западной Европы. Официальными задачами операции МССБ были продвижение экономического развития, подготовка местной армии и полиции, а также расширение Боннских соглашений по Афганистану (2001). На практике операция была направлена на обезвреживание Аль-Каиды и поиски Усама бен Ладена.

С самого начала операции МССБ Италия заняла важную позицию в ее организации и продвижении. Командующим операции с середины 2005 до середины 2006 г. был назначен итальянский генерал Мауро дель Веккьо. Кроме того, Риму, благодаря опыту участия в военных и миротворческих миссиях, а также эффективности деятельности карабинеров и финансовой гвардии, было доверено обучение полицейских сил по охране правопорядка и пограничной полиции Афганистана.

Международный войсковой контингент МССБ был разделен на пять региональных командований, каждому из которых подчинялось несколько Провинциальных групп реконструкции (ПГВ). В их деятельности участвовали как военные, так и гражданские лица. Главная задача ПГВ состояла в повышении уровня доверия местного населения к новому афганскому правительству. Еще одной политической победой для Италии стало назначение Рима во главе Штаба ПГВ Западного командования в провинции Герат.

В Афганистане Италия также осуществляла поддержку НАТО в провинциях Фараха и Герата, работала в группах оперативного наставничества и связи (OMLT), участвовала в операции Сарисса в 2008 г. на границе с Ираном. Эти и другие военные действия практически не освещались в итальянских медиа из-за опасения правительства получить негативную реакцию со стороны общественности. Поэтому для анализа результатов итальянской военной операции в Афганистане недостаточно перечислить вооруженные конфликты и миротворческие инициативы, в которые оказалась вовлечена страна, исключительно важно понимать внутривнутриполитические реалии и то, как миссия была встречена правящей элитой и общественностью.

В период с 2001 по 2015 г. в Италии произошло четыре созыва парламента, сменилось семь правительств. Несложно догадаться, что за такой насыщенный политическими событиями период отношение к операции как в парламенте, так и в правительстве менялось.

В первые месяцы после 11 сентября политические дебаты сосредоточились вокруг войны в Афганистане. 7 октября 2001 г. парламент авторизовал участие

в операции «Несокрушимая свобода». Италия действовала в коалиции с союзниками. Министр иностранных дел Франко Фраттини подчеркивал, что для победы над терроризмом Италии следует укреплять трансатлантические связи [4]. Эта идея о международном сотрудничестве, названная «многосторонним подходом», останется в центре парламентских дебатов на протяжении всей операции. Под многосторонним подходом понимались: 1) официальное участие нескольких акторов, в том числе международных организаций; 2) разноплановость методов воздействия, одновременное применение «жесткой» и «мягкой» силы [Там же].

Подчеркивался многосторонний подход в проведении операции, включая ссылку на решение об участии в операции большого числа стран (разделение ответственности), это было вызвано необходимостью оправдания военных действий. Министр иностранных дел Д'Алема в 2006 г. отмечал, что Италия не может «отделить» свои «действия во время операции» от своей «деятельности в рамках международных организаций», «в Афганистане нет как таковой итальянской миссии, а есть миссия НАТО, ООН и ЕС» [8]. Следуя этой логике, Италия частично снимает с себя ответственность за решения, принимаемые в Афганистане.

Особое место в политическом освещении операции «Несокрушимая свобода» занимает феномен «чудесного пути демократизации» — так назвал М. Бонивер происходящее в Афганистане после проведения выборов [4]. Помощь в реализации реформы юстиции, наряду с реконструкцией экономики, была использована политиками для оправдания растущего присутствия Италии в зоне конфликта. Центральной задачей для миссии объявляется помощь стране в строительстве демократических институтов и способствование социально-экономическому росту [19].

Другой темой, обсуждавшейся во время дебатов в парламенте, была «гуманитарная» направленность операции. Итальянские аналитики утверждают, что обсуждения «военной» составляющей действий контингента в Палате депутатов всячески избегали [6]. В Министерстве иностранных дел операцию «Ниббио» во время ее проведения представляют как «мирную», хотя постфактум она будет названа «самой опасной» со времен Второй мировой войны [4].

Уже в 2003 г. в центре политических дебатов оказывается Ирак, поэтому в последующие годы (по крайней мере до 2006 г.) операция в Афганистане просуществовала под завесой тишины. Только произошедшие инциденты в Насирии заставили парламент заговорить о безопасности и в Афганистане, но парламентарии ограничились общими замечаниями, не углубляясь в детали [Там же].

Однако рост активности Талибана и усугубление ситуации в Афганистане в последующие годы вызывали сомнение в правомерности использования силы, в том числе в правомерности вовлечения итальянских солдат в военные действия. В этих условиях правительство меняет взгляд на операцию, — опираясь по-прежнему на принципы миротворчества и гуманитарной помощи, политическая элита заявляет: «Мы находимся в Афганистане не для того, чтобы сражаться с талибаном. Однако, если на нас нападут, то мы будем готовы ответить в полную силу» [18]. То есть использование силы допускается как ответ на нападение.

С приходом в 2008 г. нового правительства меняется представление операции общественному мнению, министр обороны Ла Русса не боится утверждать: «На афганских территориях мы не занимаемся только строительством дорог и больниц. Военные находятся там не для того, чтобы заниматься строительством. Они представляют вооруженные силы, которые должны принести мир, но для этого они должны применять необходимую силу. Это уже происходило много раз» [20]. Такой, более «открытый» подход обуславливается тем, что правительству необходимо объяснять увеличение итальянского контингента в Афганистане (к 2009 г. он достиг 4000 военных), рост числа вооруженных столкновений с участием Италии и соответственно жертв. А IV правительство Берлускони (2008–2011), в связи с невозможностью отрицать военную составляющую миссии, считает обоснованным «использование силы в нужной мере» [12]. Итальянские аналитики отмечают, что именно в этот период в Палате депутатов впервые начинается активное обсуждение афганских операций в военном, а не миротворческом ключе [4].

После 2010 г. происходит новый виток в представлении операции на политическом уровне, — итальянский контингент присутствует в Афганистане уже много лет, общественное мнение недовольно новостями о соотечественниках — жертвах операции. И правительство начинает говорить о миссии как о необходимости для самих итальянцев. «Мы находимся в Афганистане для того, чтобы защитить Италию» и избежать того, чтобы террористы, связанные с террористическими группами в Афганистане и Пакистане, могли добраться до Европы [15]. Ф. Фраттини добавляет, что Италия в Афганистане занимается «гражданской реконструкцией страны», и подчеркивает, что итальянские методы проведения операций отличаются от методов союзников: «У итальянцев есть свой подход, заключающийся в решительности в борьбе с терроризмом и деликатности в человеческих отношениях. Мы остаемся такими даже с оружием в руках» [14].

Действительно, операция в Афганистане показывает исключительную эффективность итальянской «мягкой силы», умение построить доверительные отношения с местным населением. Союзники доверяют Риму руководство МССБ в 2005–2006 г. и Штабом ПГР Западного командования в провинции Герат, поручают обучение и подготовку афганских полицейских сил. Для такого актора среднего калибра, как Итальянская Республика, подобное признание со стороны союзников в рамках исключительно важной и масштабной операции является большой стратегической и политической победой.

Несмотря на видимый успех в Афганистане, расхождение политической интерпретации миссии с реальностью становится главной проблемой для эффективной реализации операции. Правящие верхи определяют характер миссии как «гуманитарный» на протяжении практически всей миссии, что создает исключительно высокие риски для итальянского контингента. Вооруженные силы оказываются вовлечены в конфликт, не будучи оснащенными технологически на должном уровне. В 2002 г. Италией была разработана новая «Белая книга международной безопасности и обороны» как ответ на новые вызовы во внешней политике. Однако, несмотря на понимание необходимости участия в подобных миссиях за рубежом,

в новом стратегическом документе, «Белой книге», так и не затрагивается вопрос природы военных операций, а политическая и военная элита продолжает избегать слова «война», с опасением оглядываясь на общественное мнение.

Операция «Древний Вавилон» (Ирак, 2003–2006)

Когда в 2003 г. в Ираке началась война, Высший совет обороны Италии принял решение не участвовать в конфронтации. Однако премьер-министр Италии Сильвио Берлускони обещал «активную поддержку» в будущей послевоенной реконструкции [13]. В мае президент США Джордж Буш объявил о начале постконфликтного этапа. И в июне 2003 г. итальянские военные силы присоединились к союзникам в Ираке в рамках четвертого этапа операции «Иракская свобода», начав собственную миротворческую операцию «Древний Вавилон».

«Древний Вавилон» является одной из самых обсуждаемых и противоречивых операций в истории Италии. Правительством Берлускони операция была объявлена как «предоставление чрезвычайной гуманитарной помощи». Парламентский законопроект, отметивший начало действия «Древнего Вавилона», утверждал, что миссия является «срочным вмешательством в интересах жителей Ирака» [9]. Министр обороны Италии Антонио Мартино заявил, что участие Италии «противоположно войне», так как ее вооруженные силы призваны привнести мир в Ирак с помощью социального, культурного и экономического восстановления [Там же].

Однако такая гуманитарная основа для операции была концептуально неадекватной, принимая во внимание ситуацию в Ираке. Общее состояние страны было несравнимо лучше регионов и стран, которым обычно оказывается гуманитарная помощь. Государственные службы и больницы работали, проблемы вызывала скорее нехватка квалифицированного персонала в связи с ухудшением условий безопасности. В этой ситуации, далекой от гуманитарной катастрофы, следовало гарантировать стабильность существующим структурам и обеспечивать их недостающими ресурсами.

Итальянский контингент, насчитывавший почти 3000 человек, в большинстве своем располагался в Насирии. Целью миссии были контроль над территорией и улучшение условий безопасности для обеспечения гуманитарной помощи и общего восстановления региона [Там же]. Деятельность Специальной группы по сотрудничеству между военной и гражданской сторонами (СИМИК) стала ключевым инструментом в поддержке местного населения, поскольку была направлена на восстановление инфраструктур и государственных служб, обеспечение деятельности учреждений здравоохранения и образования, обеспечение населения питьевой водой и электричеством. В проекты СИМИК были вовлечены как гражданские лица (инженеры, архитекторы, врачи, психологи), так и военные. США предложили Италии также заняться подготовкой и обучением местных полицейских сил. Несмотря на престижность этого задания, Риму пришлось отказаться, поскольку это не соответствовало «гуманитарной» направленности операции «Древний Вавилон» [7]. Правительство стремилось изо всех сил избежать роста военной вовлеченности Италии в операции в Ираке.

В операции были задействованы итальянские военно-морские и военно-воздушные силы. Военно-морские силы располагались в порту города Умм-Каср, в то время как итальянская авиация находилась на авиабазе Али в Насирии. Итальянское командование было размещено на базе «Белая Лошадь», на юге от Насирии, а остальные вооруженные силы Италии находились в центре города на двух дополнительных базах — «Маэстрале» и «Либеччио» [9]. Центральное расположение двух баз объяснялось потребностями «гуманитарной» операции, для которой были важны «открытые» отношения с местным населением. В связи с тем что операция «Древний Вавилон» представлялась правительством как «гуманитарная» миссия, предоставленное вооружение и транспортные средства не соответствовали существующим угрозам для безопасности контингента [7]. Постепенно драматические события в Насирии заставили командование пересмотреть тактику проведения «гуманитарной» миссии, так как слабое оснащение и ошибочное со стратегической точки зрения расположение баз стоили жизни нескольким десяткам итальянских военнослужащих. Так, 12 ноября 2003 г. база «Маэстрале» была атакована Аль-Каидой, были убиты 17 итальянских солдат и 2 гражданских лица. Этот эпизод показал трагическую уязвимость итальянских баз, и после происшествия итальянские военные силы были переведены за пределы города [9].

В апреле 2004 г. интенсивные перестрелки между войсками Италии и шиитской милицией «Общества мира» снова продемонстрировали неадекватность организации операции «Древний Вавилон» с точки зрения вооружения и принципов ведения боевых действий. Неоснащенность ВС Италии, участвовавших в миссии, истребителями «Торнадо», вертолетами «Мангуст» и надлежущими танками позволила сотням повстанцев постоянно нападать на базу «Либеччио». После происшествий весны 2004 г. по запросу военнослужащих в Ирак была направлена новая техника, число итальянских военных на территории вмешательства возросло до 3300 человек [Там же].

Следует отметить, что даже во время прямых столкновений итальянский контингент продолжал искать диалог и компромисс с боевиками. Иногда эта политика доходила до абсурда. Так, во время нападения на базу «Либеччио» итальянские военные четыре часа находились под огнем противника и только после этого получили разрешение действовать. Этот «мягкий» подход резко критиковали союзники, акцентируя внимание на его неуместности в военном контексте.

Чрезмерная «мягкость» итальянской политики во время операций напрямую связана с желанием правительства скрыть военный характер миссии от общественного мнения в Италии. Правительство Берлускони¹, которое находилось у власти с начала вооруженного конфликта в Ираке, выбрало «старую» стратегию подачи миссии: подчеркивались гуманитарная направленность операции и ее многосторонний характер, «упускалась» военная составляющая. Министр иностранных дел Ф. Фраттини во время дебатов в парламенте утверждал, что

¹ II правительство Берлускони (11 июня 2001 — 23 апреля 2005) и III правительство Берлускони (23 апреля 2005 — 17 мая 2006).

Италия в Ираке — для того, чтобы принести мир, а не войну [11]. Официальной целью операции закон № 219 называл «эффективную и серьезную помощь народу Ирака», включавшую восстановление инфраструктур, поддержку здравоохранения и образования, сохранение культурного наследия [22]. Несмотря на акцентированную гуманитарную направленность операции, ее проведение с самого начала вызвало активные дебаты в парламенте. Когда 19 марта 2003 г. Сильвио Берлускони представил Палате депутатов положения, разработанные правительством по кризису в Ираке, реакция парламента была чрезвычайно бурной: депутаты оппозиции на протяжении всей сессии прерывали Председателя Совета министров (С. Берлускони) и кричали: «Мы хотим мира!», «Не надо лгать нам в парламенте!», «Берлускони — шут!», «Дайте высказать нам свое несогласие!», поднимали «флаги мира», а некоторые вообще покинули зал заседания [1].

Учитывая напряжение на политическом уровне по иракскому вопросу, итальянские власти не рисковали обозначать борьбу с терроризмом и продвижение демократии в качестве целей операции, так как опасались возможных параллелей с военной миссией союзников по НАТО, поскольку итальянская общественность отзывалась об операции США в Ираке резко негативно. Правительство подчеркивало различие намерений Италии и агрессивных союзников: «Наши действия, в том числе в Насирии, только подтверждают имидж итальянцев как хороших людей. Нас за рубежом не рассматривают как агрессора, а видят в нас друзей, которые приходят, чтобы помочь» [17].

Позиция Италии меняется с приходом правительства Проди². Левый центр принимает решение не одобрять уже подготовленный план операции под названием «Новый Вавилон» (в целом гражданской, направленной на активную работу по восстановлению территории) и заявляет о выводе войск. Правительство отмечает односторонность американского вмешательства и противоречие действий Италии в Ираке традиционному национальному походу во внешней политике — отрицанию войны и продвижению мира [4]. Романо Проди считает, что Италия не должна поддерживать идеи союзников о том, что терроризм можно победить, вторгаясь на чужие территории, и называет войну в Ираке «большой ошибкой» [24]. Речь Проди, как и речь Берлускони, была встречена неоднозначно: оппозиция свистела, кричала и протестовала на протяжении всего выступления.

Операция «Древний Вавилон» в Ираке закончилась в ноябре 2006 г. Как и во время других миссий за рубежом, итальянское правительство на протяжении всей операции продолжало преуменьшать серьезность военных столкновений, несмотря на интенсивность конфликта. Операция вызвала серьезные разногласия в парламенте: с одной стороны, это поспособствовало завершению операции, с другой — не позволило своевременно поменять мандат операции на «менее миротворческий» и защитить солдат, обеспечив необходимым вооружением. Итальянский контингент был вынужден проводить миротворческую операцию на территории, где реальный военный конфликт был еще не исчерпан. Расхождение реальности и политики дорого стоило Италии: операция «Древний Вавилон», безусловно

² П правительство Проди (17 мая 2006 — 6 мая 2008).

являющаяся военной в условиях войны, стала самой трагической по числу жертв в итальянской истории со времен Второй мировой войны (33 человека).

Операция «ВСООНЛ» (Ливан, 2006 — до настоящего времени)

«Временные силы Организации Объединенных Наций в Ливане» (ВСООНЛ) были учреждены Советом Безопасности в 1978 г. для обеспечения восстановления контроля ливанского правительства над территорией и вывода израильских войск. Существующий мандат позволял контролировать регион, но не «принуждать» жителей территории интервенции к миру. В результате кризиса 2006 г. было решено увеличить численность военных ВСООНЛ. Вместо 2000 человек на территории Ливана после принятия Резолюции 1701 Совета Безопасности ООН оказались развернуты значительные силы (13 000 человек) [27]. Мандат операции был существенно расширен: для обеспечения скорейшего окончания военных действий было решено оказывать поддержку вооруженным силам Ливана во время их развертывания в южных районах страны, помогать правительству страны в обеспечении безопасности границ и организовать гуманитарный коридор для передвижения гражданского населения. Важным шагом стало также разрешение задерживать вооруженных боевиков Хезболлы при попытках осуществления ими террористической деятельности или если они будут представлять угрозу для миротворцев.

Италия участвовала в ВСООНЛ с самого начала, а в связи с возникшим кризисом приняла решение расширить сферу деятельности. 28 августа 2006 г. Рим начал собственную операцию под названием «Леонте». Всего в южном Ливане были задействованы 2500 итальянских солдат, в задачу которых входило обнаружение присутствия боевиков, повышение доверия со стороны местного населения, обучение местных вооруженных сил. Итальянский контингент был представлен карабинерами, спецназом, войсками ядерной, биологической и химической защиты. В Накуре в штабе ВСООНЛ присутствовала итальянская рота охраны, находились вертолеты АВ-212 и АВ-412. Италия также участвовала в военно-морском компоненте ВСООНЛ (оперативное морское соединение 448) [9].

Значительную роль в операции сыграли проекты военно-гражданского взаимодействия (Civil-Military Cooperation — CIMIC). В операции ВСООНЛ было задействовано большое количество неправительственных организаций, поэтому главной целью для CIMIC во время операции в Ливане были координирование многочисленных международных акторов путем налаживания связей, организации регулярных встреч, реализации совместных программ [Там же]. Общие проекты были направлены на быстрое и эффективное восстановление работы школ, больниц и других общественных учреждений. Однако установить доверительные отношения с местным населением было непросто, так как после многих лет нестабильности иностранное присутствие на территории Ливана воспринималось его жителями скептически.

Италия вела активную дипломатическую работу в регионе. Свидетельством ее центральной роли в регулировании ситуации на политическом уровне стало проведение в Риме международной конференции, созванной для урегулирования

израильско-ливанского конфликта. Италия заняла достойную роль в управлении операцией, а в феврале 2007 г. генерал Клаудио Грациано был назначен командующим ВСООНЛ [10].

На политическом уровне операция «Леонте» по сравнению с миссией в Ираке была встречена крайне позитивно. Итальянский парламент практически единогласно утвердил решение об участии в операции. Против оказалась только партия «Лига Севера», но все остальные представители правого центра поддержали миссию, признавая крайнюю критичность и нестабильность отношений между Сирией и Хезболлой [4]. Причинами почти единогласной поддержки операции были ее многосторонний подход (то есть фигурирование большого числа влиятельных международных акторов в миссии за рубежом, а не инициатива отдельных государств, как произошло в случае операции в Ираке), а также миротворческая направленность, относительно стабильная ситуация на территории вмешательства. Большое значение для итальянских политиков имело активное участие в операции ООН. Министр иностранных дел Д'Алема заявлял: «Такая модель операции является примером, построенным на законности и многосторонности. Операция не просто имеет мандат ООН, эта миротворческая сила и есть сама ООН в первом лице» [16].

Примером многосторонности операции служила согласованность совместной работы международных организаций (ООН), региональных организаций (Европейский союз) и мощнейших держав (США) [4]. Для правительства Р. Проди на первом месте оказываются ценности атлантизма, европеизма и многосторонности сотрудничества. Министр обороны Артуро Паризи отмечал превалирование сотрудничества в рамках ООН над двусторонними отношениями с США: «Отношения с американцами не могут быть важнее ООН и других международных организаций. Всей Европой совместно отвечать на зов Организации Объединенных Наций — это одно, а продемонстрировать свою близость очередному американскому правительству в обход Европы и игнорируя ООН, как это было в прошлом, — совсем другое» [18].

Наученные трагичным опытом «Древнего Вавилона», политические лидеры больше не избегают обсуждения рисков операции и необходимости применять силу в исключительных обстоятельствах. Правительство Р. Проди в своих тезисах опирается на поддержку церкви: «Папа Джованни Паоло II говорил, что не нужно отказываться от использования справедливой силы. Такая сила должна быть минимальной... Но только сильные объятия смогут помешать драме превратиться в трагедию» [19]. Применение силы может спровоцировать риски с обеих сторон, поэтому министр обороны А. Паризи заявляет: «В правительстве и перед парламентом я говорил, что миссия ожидается длительной, сложной, дорогой и рискованной» [18]. Решение объявить открыто о рисках имело свой положительный эффект: в отличие от предыдущих операций итальянский контингент оказался вооружен на должном уровне, в соответствии с задачами операции и ситуацией.

Миссия «Леонте» не закончилась до сих пор. Участие в ВСООНЛ является крайне важным политическим шагом для Рима, утверждающим значительную роль Италии на Среднем Востоке. Опыт Италии в Ливане показал прогресс,

произошедший в оборонной политике страны за последние два десятилетия. Благодаря накоплению богатого опыта в области проведения операций за рубежом Италия смогла занять важнейшие посты в командовании миссией и осуществлять дипломатическую поддержку операций путем проведения встреч и конференций на высшем уровне.

В настоящее время Рим находится в поисках более выраженной роли на международной арене. Участие в военных и гуманитарных операциях помогает продвинуть новый социополитический имидж армии Италии как инструмента мира и защиты прав человека. Репутация Италии-миротворца вводит в заблуждение: национальной стратегической культуре свойственно преуменьшать военную составляющую миссий за рубежом. Такая политика создает риски некорректного определения целей операции, принятия несбалансированных решений об объеме вооружений и размере контингента на местах. В итоге реальные ситуации, с которыми приходится сталкиваться итальянским военным, расходятся с представлениями о характере миссий, обсуждаемых в парламенте и правительстве. Несмотря на это, политические элиты и общественность предпочитают видеть Италию как «страну-защитницу», не способную и не желающую вести агрессивную военную политику.

Проблемы безопасности и обороны остаются в центре политических дебатов в парламенте и правительстве. Как показывает данное исследование, трактовка одной и той же операции может меняться в зависимости от партийной принадлежности участников дискуссии. Тем не менее все правительства, вне зависимости от их политических взглядов, придерживаются концепции многоакторности участия в операциях; при оценке миссий делают упор на ценности демократии и поддержание мира. Важно отметить эволюцию отношения к использованию силы: наученные трагичным опытом «Древнего Вавилона», политические лидеры стремятся не избегать обсуждения необходимости применения «жесткой силы» в исключительных обстоятельствах. Эта перемена создает вероятность, что будущие операции будут обеспечены вооружением и организованы в соответствии с обстановкой на местах.

Итальянская Республика в XXI в. стала одной из самых активных европейских стран — участниц операций за рубежом [9]. В разрешении асимметричных конфликтов современности Италия играет ключевую роль, занимая командные посты в проведении крупнейших миссий, как это произошло в Афганистане или Ливане. Некоторые итальянские методы и инструменты проведения операций (например, CIMIC), стали классическими для миротворчества на международном уровне. Для такого актора среднего калибра, как Италия, подобное доверие со стороны союзников и признание международного сообщества являются настоящей стратегической и политической победой.

1. Atti parlamentari, seduta di mercoledì 19 marzo 2003// Camera dei Deputati (2003) [Electronic resource]. URL: http://documenti.camera.it/_dati/leg14/lavori/stenografici/sed283/sintero.pdf (accessed: 10.09.2017).

2. *Batacchi P.* L'evoluzione dei conflitti moderni//CeMISS (2010), Roma [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/SMD_/CASD/IM/CeMISS/Pubblicazioni/Documents/L%27evoluzione%20dei%20conflitti%20moderni.pdf (accessed: 11.09.2017).
3. *Catalano C.* Dai conflitti tradizionali a quelli asimmetrici / Atlante Geopolitico (Treccani) [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/dai-conflitti-tradizionali-a-quelli-asimmetrici_%28Atlante-Geopolitico%29/ (accessed: 14.09.2017).
4. *Coticchia F.* La guerra che non c'era: opinione pubblica e interventi militari italiani dall'Afghanistan alla Libia. Milano : Università Bocconi Editore, 2014.
5. *Coticchia F.* Qualcosa è cambiato. L'evoluzione della politica di difesa italiana dall'Iraq alla Libia (1991–2011). Pisa : Pisa University Press, 2013.
6. *Coticchia F., De Simone C.* The war that wasn't there? Framing Italy's 'peace mission' in Afghanistan // BISA/ISA Joint International Conference Panel Sessions. Edinburgh, 2012.
7. *Gaiani G.* Iraq-Afghanistan guerre di pace italiane. Venezia : Studio LT2, 2007.
8. *Giannini M.* A Kabul obbligati a restare lo deve capire tutta l'Unione // La Repubblica (24/06/2006) [Electronic resource]. URL: <http://www.repubblica.it/2006/06/sezioni/politica/veti-afghanistan/veti-afghanistan/veti-afghanistan.html> (accessed: 09.09.2017).
9. *Ignazi P., Giacomello G., Coticchia F.* Italian Military Operations Abroad: Just Don't Call It War. L. : Palgrave Macmillan, 2012.
10. Il generale Claudio Graziano nominato comandante della missione ad interim delle nazioni Unite in Libano (UNIFIL) // UNRIC [Electronic resource]. URL: <http://www.unric.org/it/attualita/8363> (accessed: 08.09.2017).
11. Intervento del Ministro degli Esteri F. Frattini alla seduta n. 298 del 15 aprile 2003 // Camera dei Deputati (2003) [Electronic resource]. URL: http://legxiv.camera.it/chiosco.asp?sframeTitle=Resoconto%20stenografico&sMacrosezione=Docesta&source=/organiparlamentariSM/241/4405/5340/documentotesto.ASP&position=Organi%20Parlamentari/L'assemblea/Il%20rapporto%20con%20il%20governo/Comunicazioni%20e%20informative%20urgenti%20del%20Governo&content=/_dati/leg14/lavori/stenografici/sed298/s050.htm#Titolo7%2018 (accessed: 09.09.2017).
12. Intervento del Ministro della Difesa I. La Russa alla seduta n. 415 di 12 gennaio 2011 // Camera dei Deputati (2011) [Electronic resource]. URL: <http://leg16.camera.it/410?idSeduta=0416&tipo=stenografico#sed0416.stenografico.tit00080.sub00010.int00020> (accessed: 12.09.2017).
13. Intervento del Presidente del Consiglio S. Berlusconi alla seduta n.283 di 19 marzo 2003 // Camera dei Deputati (2003) [Electronic resource]. URL: http://documenti.camera.it/_dati/leg14/lavori/stenografici/sed283/sintero.pdf (accessed: 09.09.2017).
14. Intervista del Ministro degli Esteri F. Frattini // Farnesina (2008) [Electronic resource]. URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/2008/06/20080624_missionimodelloitalia.html (accessed: 20.09.2017).
15. Intervista del Ministro degli Esteri F. Frattini // Farnesina (2010) [Electronic resource]. URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/20101012_kabul_l_italia_via_dal_2011.html (accessed: 22.09.2017).
16. Intervista del Ministro degli Esteri M. D'Alema // Farnesina (2006) [Electronic resource]. URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/200608_dalema_intervista_9.html (accessed: 14.09.2017).
17. Intervista del Ministro della Difesa A. Martino // Ministero della Difesa (2004) [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/Ministro/Compiti_e_Activita/Interviste29/2004-06/Pagine/Martino_allestero_solo_per_dare_100prendere.aspx (accessed: 14.09.2017).
18. Intervista del Ministro della Difesa A. Parisi // Ministero della Difesa (2006) [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/Ministro/Compiti_e_Activita/Interviste29/2006-09/Pagine/Siamo_li_per_portare_la_pace_no_406indietro.aspx (accessed: 12.09.2017).
19. Intervista del Ministro della Difesa A. Parisi // Ministero della Difesa (2007) [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/Ministro/Compiti_e_Activita/Interviste29/2007-01/Pagine/LA_VERA_FORZA_DELLITALIA_415.aspx (accessed: 09.09.2017).

20. Intervista del Ministro della Difesa I. La Russa // Ministero della Difesa (2009) [Electronic resource]. URL: https://www.difesa.it/Ministro/Compiti_e_Activita/Interviste29/2009-09/Pagine/La_Russa_«Nessuna_ambiguità_947terrorismo».aspx (accessed: 14.09.2017).
21. *Jean C.* Italiani e forze armate. Milano : Franco Angeli, 2010.
22. Legge 1 agosto 2003, n. 219 [Electronic resource]. URL: <http://www.camera.it/parlam/leggi/03219l.htm> (accessed: 01.09.2017).
23. *Marrone A., Camporini V.* Recent Developments in Italy's Security and Defence Policy//IAI (2016), Roma [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai1619.pdf> (accessed: 09.09.2017).
24. Prodi: Via l'Italia dall'Iraq e forte scossa all'economia // La Repubblica URL: <http://www.repubblica.it/2006/05/sezioni/politica/nuovo-governo-due/prodi-senato/prodi-senato.html> (accessed: 12.09.2017).
25. *Sartori P., Finarelli Baldassarre G.* Bilanci e industria della difesa//IAI (2017), Roma [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/tabelle-grafici-it.pdf> (accessed: 09.09.2017).
26. United Nations Security Council Resolution 1386 (2001) [Electronic resource]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/708/55/PDF/N0170855.pdf?OpenElement> (accessed: 09.09.2017).
27. United Nations Security Council Resolution 1701 (2006) [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/press/en/2006/sc8808.doc.htm> (accessed: 12.09.2017).

Рукопись поступила в редакцию 17 октября 2017 г.

УДК 329.7 + 327(611) + 316.653

А. В. Шитова

**РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В СОБЫТИЯХ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»
В ТУНИСЕ (2010–2012) НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ
«ПОИСК ОБЩЕЙ ОСНОВЫ» (SEARCH FOR COMMON GROUND)**

В статье рассматривается роль международных неправительственных организаций (МНПО) в событиях «арабской весны» и в последующих трансформационных процессах в Тунисе (2010–2016). Цель статьи — определить роль МНПО, участвовавших в процессе демократизации Туниса. В статье идентифицированы несколько активно действующих МНПО «арабской весны» в Тунисе (2010–2012), более подробно рассматриваются организация «Поиск общей основы» (Search for Common Ground), ее стратегия, методы и инструменты деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «арабская весна», международные неправительственные организации, гражданское общество, демократия, Тунис.

В общественном сознании Ближний Восток в последние годы воспринимается как конфликтная территория, ассоциируется с терроризмом и насилием. Данный регион сегодня становится «точкой напряжения», вовлекая все новых региональных и глобальных игроков, в том числе и международные неправительственные организации. Несмотря на то что революционные действия охватывают не все